

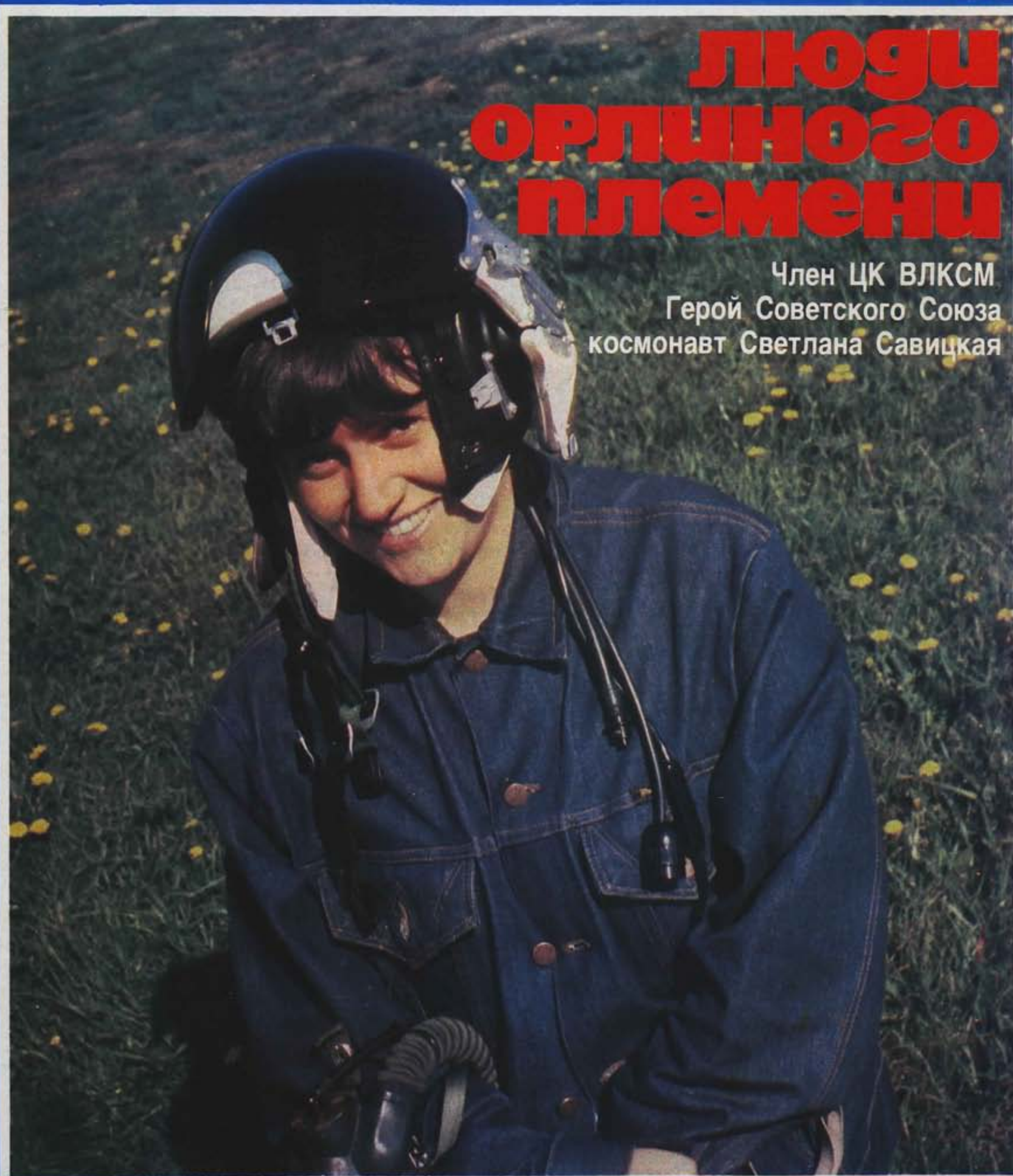

СМЕНА

№ 20 ОКТЯБРЬ 1982

ЛЮДИ ОРЛИНОГО ПЛЕМЕНИ

Член ЦК ВЛКСМ
Герой Советского Союза
космонавт Светлана Савицкая

КАРТИНА ВЛАДИМИРА ИСАРЕВА «ДЕКАБРИСТЫ».

ДЕКАБРИСТЫ ГВАРДЕЙСКОГО ЭКИПАЖА

Несколько лет назад историк А. Б. Шешин обнаружил новые материалы о декабристском обществе, созданном офицерами Гвардейского экипажа. Его научная статья на эту тему была опубликована в 1975 году в 96-м томе «Исторических записок». В предисловии к этому сборнику академик М. В. Нечкина писала: «Статья А. Б. Шешина «Декабристское общество в Гвардейском морском экипаже» содержит существенный вывод: сравнительно задолго до восстания (в 1824 г.) в Гвардейском морском экипаже, в те годы особенно радикально и решительно настроенном, образовалось самостоятельное тайное общество, совпадавшее по идеологии с декабристским... Вывод автора совершенно правилен и хорошо обоснован документально... Оказалось, что это был уже не первый случай, когда документы подтвердили: основные декабристские общества вбирали в свой состав и другие тайные революционные общества, образовавшиеся самостоятельно... Статья А. Б. Шешина — любопытный и ценный вклад в историю Северного общества и восстания 14 декабря».

Читателям «Смены» предлагается вариант этой статьи, написанный специально для нашего журнала.

Александр ШЕШИН

14 декабря 1825 года на площадь перед зданием Сената вместе с солдатами Московского и Гренадерского полков вышли моряки Гвардейского флотского экипажа.

О декабристах написано несколько тысяч книг и статей, и все же история первого русского революционного движения хранит еще немало тайн и загадок. Одной из таких загадок была чрезвычайно быстрая — всего за несколько дней перед восстанием — подготовка к выступлению Гвардейского экипажа, на который до декабря 1825 года Северное общество не имело влияния.

Среди офицеров Измайловского, Финляндского, Кавалергардского, Московского и Гренадерского полков было немало членов Северного общества; эти полки и должны были составить основные силы восставших. Но Измайловский, Финляндский и Кавалергардский полки не удалось вовлечь в вос-

стание. А из гвардейских моряков в Северное общество вступил лишь лейтенант Антон Арбузов — да и то за несколько дней до восстания. Между тем экипаж оказался лучше подготовленным к выступлению, чем другие гвардейские полки. В чем же причина этого? Лишь недавно удалось установить, что задолго до восстания в Гвардейском экипаже возникло самостоятельное декабристское общество.

Экипаж прославился в сухопутных боевых действиях 1812 года и получил воинскую награду — Георгиевское знамя. Служившие в нем моряки участвовали в смотрах, парадах, караулах, назначались на придворные яхты и суда, на которых плавали члены императорской фамилии.

В 1820 году в Гвардейский флотский экипаж был определен восемнадцатилетний Александр Беляев, только что окончивший Морской кадетский корпус. Через три года туда же перевели и его младшего брата Петра.

Беляевы с ранних лет были воспитаны в патристическом духе: еще во время войны 1812 года

девятилетний Александр и его семилетний брат Петр «думали при появлении французов сражаться до последней капли крови». С детства братьям запомнились ужасающие картины рабства крестьян. А в Гвардейском экипаже их возмущали издевательства над матросами, грубая строевая муштра, зачастую заменявшая обучение морскому делу. Беляевы читали исторические книги, сочинения просветителей, изучали иностранные конституции и, взрослея, все больше осознавали несправедливость русского народа. Скоро они пришли к мысли, что за счастье родины нужно бороться. «Я всегда желал истинного... блага моему отечеству, в жертву которому я готов принести все, что имею, и самую мою жизнь», — писал позднее Петр Беляев. «Мечты о свободе, о золотом веке, который она принесет с собою, уже наполняли мою голову», — вспоминал Александр о своем состоянии в начале 1820-х годов.

В Гвардейском экипаже Александр скоро нашел единомышленника. Это был лейтенант Антон Арбузов, служивший там с 1819 года.

Братья Беляевы были еще совсем молоды, Антон Арбузов старше их и опытней. Но и Антон Арбузов тоже увлекался свободолобивыми идеями. Это был решительный человек, и он не только мечтал, но и намеревался осуществить свои мечты. Все свободное время друзья проводили за чтением исторических книг. Они «в мечтах переносились в древние республики», надеялись и в России ввести республиканское правление.

В период между летними плаваниями 1823 и 1824 годов Беляевы с несколькими офицерами Гвардейского экипажа поселились на Фонтанке у Каликина моста. Они сняли квартиру из двух отделений; в одном поместились братья Беляевы и мичман Василий Дивов, а в другом — тоже братья: мичман

Михаил Бодиско и лейтенант Борис Бодиско. Сюда часто заходил и лейтенант Антон Арбузов. Он-то и предположил своему другу и единомышленнику Александру Беляеву основать тайное политическое общество. Чтобы избежать подозрений, Антон и Александр первое время старались не беседовать в присутствии других офицеров. Обсуждая свои планы, они обычно прогуливались по набережной Фонтанки. Говорили об «исправлении нравов», «утверждении дружбы и согласия», защите «невинных и страждущих» и помощи ближним. К политическим и социальным отношениям молодые офицеры хотели приложить нравственные. Утверждение нравственности и просвещения считалось основой перемены политического и социального строя.

Однажды вечером на своей квартире Антон Арбузов с Александром Беляевым при свете свечей составляли на листах плотной синей бумаги «статуты» из нескольких пунктов, определявшие цель и деятельность тайной организации. «Свобода в обществе и равенство да будут нашим уделом», — гласил первый параграф устава. Общество должно было состоять из людей, «твердых в нравственности». Таких людей они намеревались подбирать прежде всего из офицеров Гвардейского экипажа «медленно и с чрезвычайной осторожностью», после нескольких испытаний. «Статуты» предусматривали смертную казнь для тех, войдя в общество, изменит ему. Точная дата возникновения самостоятельного декабристского общества в Гвардейском флотском экипаже неизвестна. Мы знаем лишь, что это произошло в период между летними плаваниями Гвардейского экипажа 1823 и 1824 годов.

После долгих раздумий в тайное общество приняли Петра Беляева; затем к вступлению стали готовить друга и соседа Беляевых мичмана Василия Дивова.

Скоро в среде гвардейцев-моряков образовалась довольно сплоченная группа революционно настроенных офицеров, не имевшая никаких связей с Северным обществом. Ядро организации составляли Арбузов, братья Беляевы и Дивов. Под их влиянием находились братья Бодиско, Шпейер, Тьртвов, Акулов, Мусин-Пушкин и некоторые другие. К декабрю 1825 года молодые офицерами всецело овладели «желание введения в России свободы и республиканского правления».

Основатели общества гвардейцев-моряков вели агитацию и в среде матросов экипажа.

— Да ведь как это делаешь? — объяснял позднее Петр Беляев. — Например, идешь возле них, ну и говоришь так, чтобы они слышали, а они сами уж там толкуют.

По вечерам офицеры экипажа собирались на квартире Беляевых и обсуждали конкретные планы государственного переворота. Независимо от Северного общества они пришли к мысли во время восстания оказать давление на Сенат, говорили о способах привлечь народ на свою сторону, об аресте императора, когда тот посетит флот, и даже об «истреблении» всей царской семьи, чтобы установить республику и предотвратить возможность гражданской войны.

Незадолго до декабря 1825 года Николай Бестужев встретил Антона Арбузова в Адмиралтействе и заговорил с ним о Северном обществе. Оба были осторожны, и разговор велся намеками и иносказаниями. Вот несколько диалогов, восстановленных по документам тех лет.

— Есть связь, струны протянуты... звенья цепи... — говорил Николай Бестужев.

Арбузов отвечал в том же духе, и Бестужев сказал ему:

— Из сего я заключаю, что ты уже наэлектризован.

— Какая польза в электризме, если он в бездействии.

— Ежели ты действовать желаешь, так я тебя поздравляю, только чтобы был ты готов, — многозначительно произнес Бестужев.

Скоро Антон Арбузов послал к Николаю Бестужеву записку с просьбой о встрече, и они вновь говорили о тайном обществе.

27 ноября в день присяги наследнику, великому князю Константину Бестужев зашел к Арбузову, жившему в казармах Гвардейского экипажа, и вновь заговорил о том же.

— Я знаю про общество, но ежели не будет мне хотя поверхностно объявлено, в чем состоит оно, я действовать не буду, — ответил Арбузов.

В самом начале декабря Бестужев пригласил его к Рылеву на совещание Северного общества.

Так установилась связь Общества Гвардейского экипажа с Северным обществом. «Беседы наши, — вспоминал А. П. Беляев о событиях, последовавших за смертью Александра I, — делались лихорадочными по волнению, которое возбуждало в нас ожидание чего-то. В это время Арбузов как-то вошел случайно в сношение с кем-то из членов общества, когда уже присягнули Константину, и тут

он узнал, что давно уже существует тайное общество, которое имеет своих членов во всех полках гвардии, а также в армии...»

На совещаниях Северного общества в период междоусобия Антон Арбузов ручался за 300—400 матросов, чем способствовал принятию решения о восстании. Руководители «северян» так и не узнали о том, что с приемом Арбузова к Северному обществу присоединилось Общество Гвардейского экипажа. Их удовлетворило обещание Арбузова вывести экипаж на площадь; внутренняя жизнь гвардейцев-моряков так и осталась тайной даже для участников восстания 14 декабря. Офицеры Гвардейского экипажа решили использовать события междоусобия и начать действовать, руководствуясь сложившимися обстоятельствами. Вскоре после известия о смерти императора к Василию Дивову зашел лейтенант Акулов и сказал с явным неудовольствием:

— Вот ваши сочинители свободных стихов твердят: «Я ль буду в роковое время позорить гражданина сан», — а как пришло роковое время, так они и замолкли.

Дивов запомнил эти слова и задал такой же вопрос Александру Беляеву.

— Подождите, еще, может быть, и не ушло время, — отвечал тот.

...13 декабря Рылеев и его сподвижники получили известие о предстоящей на следующий день «переприсяге» и решили этим воспользоваться. В последние дни у них окончательно сложился план государственного переворота. В действиях 14 декабря морякам отводили видное место: Гвардейский флотский экипаж и Измайловский полк под руководством Якубовича, Бестужева и Арбузова должны были занять Зимний дворец и арестовать императорскую фамилию.

13 декабря Арбузов получил записку от Оболенского. Тот просил зайти к нему в 4 часа. У Оболенского Арбузов застал еще пятерых руководителей заговора. Рылеев и Оболенский сообщили Арбузову, что на следующий день назначена присяга, манифест о вступлении на престол Николая Павловича уже отпечатан.

— Что ж должно делать? — спросил Рылеева кто-то из офицеров.

— Собраться на Петровскую площадь...

Уходя от Оболенского, Рылеев попросил Арбузова заехать к нему в восьмом часу. Вечером Рылеев еще раз напомнил Арбузову о предстоящем сборе на Петровской (Сенатской) площади, и Арбузов ответил, что он ручается за Гвардейский экипаж.

Вечером 13 декабря на квартире Беляевых в доме у Калинкина моста собрались братья Беляевы, Дивов и братья Бодиско. Потом появился Антон Арбузов, приехавший с совещания у Рылеева.

— Господа, — обратился он ко всем, — зная ваш образ мыслей, кажется, я могу говорить с вами открыто. Завтра, вы знаете, будет присяга: мы не должны присягать и приготовить к сему и роты. Завтра, когда люди откажутся от присяги, пользуясь сим, выведем роты на Петровскую площадь, где уж будут все полки, и там принудим Сенат утвердить составленную давно уже конституцию, чтобы ограничить государя.

— Будут требовать оригинальное отречение его императорского высочества Константина Павловича, — пояснил Арбузов, — буде же не получат удовлетворения, пошлют во все губернии за депутатами, предложив для сего господам сенаторам подписать указ.

Офицеры Гвардейского экипажа решили «поутру идти по своим ротам и стараться привести людей в сомнение».

Оставшись втроем, братья Беляевы и Дивов «восхищались торжеством, если будет удача», и мечтали, что народ будет приветствовать их как избавителей. Александр Беляев зарядил два пистолета и старательно точил свою саблю...

В двенадцатом часу ночи у ворот казарм Гвардейского экипажа остановилась карета, запряженная четверкой лошадей. Из нее вышли два офицера и приказали проводить их к лейтенанту Арбузову. Это были Якубович и Бестужев. Узнав о приезде Якубовича, в казармы к Арбузову отправились и Беляевы. Братьев волновали надвигающиеся события, им хотелось подробнее узнать о заговоре и его руководителях. Интересовал их и Якубович, долго служивший на Кавказе; теперь он ходил с черной повязкой на лбу, скрывающей рану.

У Арбузова уже сидели лейтенант Гвардейского экипажа Мусин-Пушкин, Якубович и Бестужев. Разговаривали о несправедливости новой присяги и о сборе войск на Петровской площади.

— Господа! — произнес, сверкая глазами, «храбрый кавказец». — Хотя я и не сомневаюсь, чтобы вы не были храбры, но вы еще не были никогда под пулями, и я вам покажу пример собою.

Беляевы ушли от Арбузова «с убеждением, что

успех верен и что вся гвардия к сему уже приготовлена».

Уезжая из Гвардейского экипажа, Якубович обещал Арбузову утром поднять гвардейцев вместе с ним и идти поднимать Измайловский полк. Однако ночью он почувствовал сомнения. Его тревожило, что при захвате Зимнего дворца «не обойдется без крови» кого-либо из членов императорской фамилии. В 6 часов утра Якубович приехал к Бестужеву, жившему вместе с Рылевым в доме Российско-Американской компании, и отказался вести Гвардейский экипаж.

Теперь главным представителем центра, назначенным вывести экипаж на площадь, становился Николай Бестужев. Александр Бестужев послал в казармы Гвардейского экипажа своего брата мичмана Петра Бестужева с запиской к Арбузову, где сообщалось, что, несмотря на отказ Якубовича, план восстания остается в силе: Арбузов и его друзья должны поднять экипаж и ожидать Николая Бестужева.

В Гвардейском экипаже, как и в других гвардейских полках, офицеры пытались поднять своих подчиненных. Наряду с этим Антон Арбузов в последние дни перед восстанием пытался сообщить матросам своей роты о плане и целях восстания. Кроме него, на такое не решился ни один из членов Северного общества. Еще 12 декабря Арбузов вызвал к себе фельдфебеля 7-й роты Боброва и спросил:

— Любит ли меня рота и пойдет ли туда со мною, куда я ей буду командовать?

— Если ротный командир будет командовать, то как не исполнить по его команде, — рассудительно отвечал Бобров.

— Я поведу роту в Измайловский полк, сей полк и Московский пойдут на Сенатскую площадь, там встретят нас гренадеры и финляндцы, и мы все вместе возьмем завещание покойного государя. Имея оное на руках, мы подпишем свои законы. По завещанию сему нижним чинам будет только двенадцать лет службы, — сказал Арбузов и приказал Боброву идти в роту и там объявить все это «хорошим и надежным людям».

На следующий день утром Арбузов повторил Боброву все сказанное накануне и закончил вопросом:

— Должны ли мы, присягнув в верности государю Константину, при нем присягать другому царю?

— Конечно, без особенных причин сего быть не может, без особенных причин присягать не станут, — отвечал фельдфебель.

Утром 14 декабря Арбузов вновь разговаривал с Бобровым, а потом призвал к себе унтер-офицера Аркадьева, исполнявшего должность каптенармуса роты, сказав ему:

— Долженствующая учиниться присяга будет ложная... Дав клятву, по долгу оной не должны изменять ей. Государь наш жив, я лучше знаю, что это обман, и вам же, нижним чинам, хуже будет.

Командир 2-й роты Гвардейского экипажа лейтенант Мусин-Пушкин, построив роту, внул матросам, что они должны быть верны первой присяге.

— Сегодня имеет быть присяга другому царю, — говорил он, — а наш прежний государь Константин Павлович жив... Присяга есть великое дело, за присягу стоять надобно.

— У нас есть государь; бумаг нам, точно ли он отказывается, не было прежде известно; как вы хотите, ребята, так и поступайте, я вам ни к чему поводу не даю, — говорил матросам 3-й роты лейтенант Кюхельбекер.

— Ребята, вы сегодня пойдете к присяге, то и должны помнить, кому прежде сего присягали, — говорил Беляев в 4-й роте.

Его брат в 5-й роте внул матросам, чтобы они не присягали великому князю Николаю Павловичу.

Командир 8-й роты лейтенант Вишневский построил своих подчиненных и сказал:

— Сегодня будет присяга Николаю Павловичу, но надобно держаться прежней присяги, как должно истинному христианину.

Лейтенант Акулов в своей роте также «возбуждал сомнения на счет точности и действительности акта отречения».

Рано утром 14 декабря к Арбузову приехали прапорщик Гвардейского Генерального штаба Палицын и поручик Финляндского полка Цебриков, а после 9 часов приехал Николай Бестужев. Он еще раз кратко сообщил офицерам Гвардейского экипажа о плане восстания: с помощью войск овладеть Сенатом, а потом «созвать представителей народа», который сам должен был решить свою участь и судьбу императорской фамилии.

— Приготовлены ли у вас люди? — спрашивал Николай Бестужев, и офицеры отвечали, что уверены в своих ротах.

— Кажется, мы все здесь собрались за общим делом, — продолжал Бестужев, — и никто из присутствующих здесь не откажется действовать.

Начало на 16-й стр.

— С вами мы готовы идти...— начал кто-то из мичманов.

Но Николай Бестужев знал, что Гвардейский экипаж уже давно подготовлен к выступлению Антоном Арбузовым.

— Откиньте самолюбие,— прервал он мичмана,— пусть начальник вам будет Арбузов, ему вы можете верить.

Из своей седьмой роты Арбузов поспешил в первую. В своих он был уверен, а первую еще нужно было уговорить: ею командовал лейтенант Тимирязев, не имевший никакого отношения к Обществу Гвардейского экипажа.

— Ребята, пойдете ли за мной?— спросил Арбузов.

— Куда угодно!— закричали матросы.

— Берите ружья и проворнее сходите вниз,— командовал лейтенант.

Около 12 часов приехал бригадный командир генерал-майор Шипов, и матросов вывели во двор. Для прочтения акта отречения Константина и манифеста Николая приказано было «сделать на караул», но матросы, побуждаемые офицерами, не выполнили приказа.

— Будут читать ложные бумаги!— кричали Дивов и Бодиско.

Увидев, что матросы не собираются присягать, бригадный командир приказал офицерам выйти вперед. Генерал-майор пытался уговорить офицеров, но те выразили ему сомнение в законности второй присяги наследнику Николаю Павловичу. Лейтенант Вишневыцкий потребовал «оригинального акта отречения». Шипов приказал арестовать Вишневыцкого, но вместе с ним демонстративно подали свои сабли бригадному командиру и другие офицеры.

Ротных командиров увели в здание казармы, оставив матросов и мичманов во дворе. Среди арестованных бригадным командиром оказались Арбузов, Бодиско, Кюхельбекер, Мусин-Пушкин, Вишневыцкий, Акулов...

В этот момент во дворе казарм Гвардейского экипажа появился лейтенант 2-го флотского экипажа Чижов. За полтора месяца до восстания мичман Бестужев принял Чижова в Северное общество, а утром 14 декабря Николай Бестужев сообщил ему о сборе войск на площади. На Петровской площади Чижов нашел только часть Московского полка, построившегося в каре. Моряк не был посвящен во все планы руководителей движения, но судьба восстания волновала его. Лейтенант Чижов видел, что промедление приведет к гибели, и добровольно взял на себя роль одного из представителей центра, побуждавших полки к выступлению. Он поспешил к Измайловцам. Но Измайловский полк уже присягнул, и лейтенант отправился в Гвардейский экипаж.

— В Московском полку убили генерала, и несколько рот побежали на площадь,— сообщил Чижов.

Этого было достаточно, чтобы минутное оцепенение прошло. Известие о том, что на площадь вышли революционные части, заставило действовать и моряков. Николай Бестужев стал уговаривать мичманов найти ротных командиров или самим вести экипаж на площадь.

— Где наши ротные командиры?— кричали стоявшие во дворе матросы.

Братья Беляевы, Бодиско, Шпейер и Дивов бросились наверх в батальонную канцелярию. Бригадный командир остановил их и приказал удалиться на свои места.

— Люди шумят и требуют своих ротных командиров,— отвечал мичман Бодиско,— а так как мы остались теперь вместо них, то и решились вас об этом известить.

Генерал-майор Шипов приказал мичманам выйти, но они побежали дальше по коридору. Ротных командиров нашли в комнатах и тут же повели вниз, рассказывая, что слышна стрельба.

Едва офицеры спустились, во двор вбежал мичман Петр Бестужев.

— Ребята, что вы стоите? Слышите ли стрельбу, это ваших бьют!— закричал он.

— Пойдемте за мной на площадь выручать своих!— крикнул Николай Бестужев, и матросы стали выбегать на улицу.

Командир экипажа капитан I ранга Качалов пытался удержать и уговорить матросов, но Гвардейский экипаж почти в полном составе с Николаем Бестужевым и Антоном Арбузовым во главе двинулся на площадь...

Историки иногда по-разному решали вопрос о том, кто из декабристов вывел на площадь тот или иной полк. Эти разногласия объясняются довольно просто. Каждый полк на площадь выводили два декабриста (или две группы декабристов). Один из них был офицером полка, подготовившим этот полк к выступлению, другой являлся представителем руководства Северного общества, и его роль состояла в том, чтобы произнести последнюю зажига-

тельную речь и увлечь на площадь полк, уже подготовленный «местным» офицерством, а затем, опираясь на «местного» офицера, руководить движением и действиями полка, исходя из общего плана восстания. В Московском полку таким «местным» руководителем был Михаил Бестужев, а представителем центра — его брат Александр Бестужев. Гренадерский полк вывели на площадь офицеры Панов и Суттоф, но этому событию предшествовал приезд к гренадерам Одоевского и Коновницына. Гвардейский экипаж, подготовленный Арбузовым и Беляевыми, вывели на площадь Антон Арбузов, как его непосредственный руководитель, и Николай Бестужев, как представитель руководства «северян».

Гвардейский экипаж прошел по Екатерингофскому проспекту до Никольского собора, повернул на Театральную площадь, по Благоевещенской улице вышел к казармам Конногвардейского полка и вдоль Адмиралтейского канала двинулся на Петровскую площадь.

У Конногвардейского манежа моряки встретили поручика Финляндского полка Цебрикова. Он уже побывал на площади и знал, что Московский полк почти окружен верными Николаю Павловичу войсками и отбивает кавалерийские атаки.

— В каре противу кавалерии!— закричал он, предупреждая моряков-гвардейцев о грозящей им опасности.

По-видимому, после встречи с Цебриковым моряки повернули назад, чтобы не столкнуться с войсками, верными Николаю I. К Сенату Гвардейский экипаж вышел по узкой Галерной улице, разделявшей выходящие на площадь здание Сената и дом купчихи Кусовниковой.

— Ура!— закричали солдаты Московского полка, увидев, что их силы увеличились.

— Ура!— раздалось в ответ и из рядов Гвардейского экипажа. Радостные крики повторились несколько раз.

Моряки не стали пристраиваться к каре Московского полка. Они расположились прямоугольником между Московским полком и строившимся Исаакиевским собором.

Несколько часов простояли моряки на площади. А потом в неподвижные ряды Гвардейского экипажа ударила картечь...

После разгрома восстания офицеры Гвардейского флотского экипажа сговорились, ничего не рассказывая о своей революционной деятельности, представить выход на площадь как результат искренней преданности законному наследнику Константину, не верия в его отречение и нежелания изменять первой присяге. Но в это время мичман Василий Дивов, на которого подействовали речи священника, сам вызвался отвечать и рассказал о беседах Антона Арбузова и Беляевых. Александр Беляев был поражен правильным и подробным описанием в вопросных пунктах всех его высказываний.

— Если уже все стало известно относительно нашего образа мыслей и стремлений, то нечего уже более записывать,— подумал он...

Но следствие мало интересовалось самостоятельностью общества гвардейских моряков. Участие в событиях 14 декабря, разговоры о перевороте и о будущей судьбе императорской фамилии — вот что в первую очередь занимало следователей.

Историки тоже не сразу обратили внимание на показания моряков-гвардейцев об их деятельности до установления связей с Северным обществом. Эти показания затерлись во множестве других вопросов и ответов и были пропущены исследователями декабристского движения.

Только полное и всестороннее изучение следственных документов и сравнение их с уже известными фактами позволили недавно выделить историю Общества Гвардейского экипажа из множества других фактов, относящихся к движению декабристов.

Какое же место занимает бывшее доселе неизвестным Общество Гвардейского экипажа в схеме развития декабристских организаций, как меняется теперь эта схема?

Известно, что в 1816 году возник Союз Спасения, а в 1818 году его сменил Союз Благоденствия, на основе которого выросли Северное и Южное общества. Это была, так сказать, «основная линия» движения. Известно также, что на Украине независимо от «основной линии» движения образовалось Общество соединенных славян. За несколько месяцев до декабристских событий Общество соединенных славян объединилось с Южным обществом, «южане» и «славяне» вместе участвовали в восстании Черниговского полка на Украине.

Теперь выяснилось, что то же произошло и на севере: в Петербурге, независимо от Северного общества, возникло Общество Гвардейского экипажа, которое примкнуло к Северному за несколько дней до 14 декабря и вместе с ним участвовало в восстании на Сенатской площади.

секретарь обкома партии просил меня задержаться еще на один день для выступления перед моряками подводной лодки, только что вернувшейся из долгого плавания. И хотя после возвращения в Москву пробыла две недели, не жалела, что согласилась. Общение с подводниками оказалось настоящим праздником. И пела я для них тогда много. А потом слушала рассказы этих удивительно простых и мужественных людей и гордилась нашей Родиной, воспитавшей таких сыновей. Моряки тогда попросили прислать пластинку с моими записями. Я учла все их пожелания, напела большой диск по их заявкам и отправила его своим далеким друзьям.

Никогда не считаю для себя зазорным учиться у талантливых людей. Пластика, мимика, жест, вокальная техника, движение, костюм, свет — разве перечислить все атрибуты, которые так или иначе влияют на успех артиста. И поэтому я с большим удовольствием хожу на концерты Ансамбля Игоря Моисеева, «Березки», на балетные спектакли с участием М. Плисецкой, Е. Максимовой, В. Васильева.

Мне бывает очень жаль людей, равнодушных к этому прекрасному миру. Думаю, что чаще такое равнодушие проистекает от духовной лениности, неумения ощущать красоту жизни. Таким людям кажется достаточным повесить через плечо кассетный магнитофон и окунуть себя ритмами зарубежного ансамбля. В последнее время особенно бросается в глаза: в молодежных компаниях все реже поют. Даже и на селе уже редко встретишь молодежь, которая собирается за околицей, чтобы попеть. Часто задаю себе вопрос: почему так?.. Ведь совершенно неважно, есть голос у человека или нет, хорош он или не вполне. В песне русский человек открывает прежде всего свою душу, песня — это его собственное, пусть небольшое, но творчество. И мне, певце, обидно, что все чаще песню только потребляют — именно потребляют, другого слова трудно подобрать — посредством магнитофона. Кто-то возразит: а гитары? Разве не идут они сегодня у молодежи нарасхват? Верно, нарасхват, но чаще всего исполнители, кроме «трень-брень», других звуков извлечь не могут. Горько, когда музыка используется как шумовой фон. К сожалению, в последнее время это становится чем-то привычным.

Сейчас развелось великое множество вокально-инструментальных ансамблей, исполнителей-кустарей, рок-артелий на любой вкус и манер. Говорят: ничего не поделаешь — мода. Но ведь любая мода преходяща, а популярность не свидетельство высоких художественных достоинств произведения. «Сам по себе спрос, хотя бы и широкий, еще не является свидетельством хорошего качества — вот что надо учитывать при оценке художественных произведений», — писал Лев Толстой. И с этим трудно не согласиться.

Я сама с уважением отношусь к достижениям многих зарубежных эстрадных коллективов. Но когда наши молодые люди проходят мимо музыки, выпестованной гением своего народа, когда не задает она струны души, мне становится не по себе. Причина такого равнодушия кроется, по-моему, в прорехах эстетического воспитания.

Я убеждена в том, что не будь пресловутого зарубежного «ширпотреб» с его стопами, ляганьем, кваканьем, примитивными ритмами, меньше было бы пошлости и развязности в поведении некоторой части нашей молодежи. Один парижский журналист сказал мне во время гастролей во французской столице: «Борьба за умы идет ныне не только на газетных страницах или в эфире, а и на подмостках мюзик-холлов». Значит, на Западе кому-то выгодно отрывать молодых от насущных проблем жизни, выгодно сбывать поделки массовой культуры огромными тиражами. Сказанное вовсе не означает, что за рубежом нам нечему учиться. В последние годы я много гастролирую за границей. И где бы ни приходилось бывать — в Югославии и Греции, Японии и Канаде, ГДР и на Кипре, — слышу национальные народные песни и мелодии, преподносимые слушателям с большим тактом и вкусом. У нас же в самолетах и в поездах, в каютах теплоходов и в кинотеатрах, кафе и парках сплошь и рядом «на всю катушку» крутят записи зарубежных певцов и коллективов, уже давно исчерпавших себя.

Повторяю: я — за лучшие образцы музыкальной культуры всех стран, за многообразие мелодий, ритмов, тем. Но есть у каждого из нас нечто личное, зримое, осязаемое — это наше национальное искусство. И к лицу ли нам, музыкальнейшему в мире народу, брать за образец временное, наносное, чужое, то, что лишь губит вкусы и развращает душу?..

Русская же песня пребудет вечно, как вечно и сама Россия. Я счастлива, что пою ей.

Записал Юрий БЕСПАЛОВ.